

Белорусская резь — художественная [резьба по дереву](#), способ обработки дерева методом вырезания [орнаментальных](#) или сюжетных композиций. Этим термином в [искусствоведении](#) обычно обозначают декоративно-ажурную резьбу белорусских мастеров в храмах и дворцах [Московского государства](#) XVII века.

Содержание

- [1История возникновения](#)
- [2Белорусская резь в Московском государстве](#)
- [3Инструменты для белорусской рези](#)
- [4Примечания](#)
- [5Литература](#)

История возникновения[

Царское место в Успенском соборе

Художественная резьба по дереву, как вид [декоративно-прикладного искусства](#) известна в [Белоруссии](#) с XII века. Искусствоведение различает контурную резьбу, выемчатую, рельефную и сквозную (ажурную)^[1].

Сквозная резьба обычно не имела фона, представляла собой ажурную композицию. По узору в плоскостях различают плоско-ажурную или объёмно-ажурную резьбу^[2].

Последняя имела [карниз](#), профилированные рамки, покрывавшиеся поперечными желобками, — это придавало поверхности изделия волнообразный вид. Затем поверхность покрывалась [левкасом](#) (меловым грунтом) и [сусальным золотом](#). Когда солнечные лучи сквозь окна храма падали на поверхность, казалось, что плещется огонь. Возможно, поэтому резьбу стали иногда называть флемской (от немецкого Die Flamme — пламя). Прорезные колонки украшались виноградной лозой и листьями, цветами, плодами — декоративными мотивами западноевропейского [барокко](#). И. Л. Бусева-Давыдова считает, что флемский произошло от «der Flame» (фламандец) или «flamisch» (фламандский) и указывает на происхождение этого стиля: похожая резьба практиковалась в католических монастырях [Фландрии](#), откуда членами ордена перенесена в [Польшу](#) и [Великое княжество Литовское](#)^{[3][4]}.

Но белорусская резьба значительно отличается от западной флемской — плоскостной и служащей лишь фоном или обрамлением для скульптуры. В русской православной церкви, в отличие от католической, круглая скульптура не позволялась, деревянные скульптуры были пристенными, без кругового обхода. Белорусская резьба принесла интерьеру церкви объём,

став, по сути малой скульптурой растительных форм. Ордерные элементы — [балясины](#), колонки, [фиалы](#), вазоны — украшались европейским орнаментом позднего [ренессанса](#) и раннего барокко: виноградные гроздья, цветы, райские плоды, декоративные рамки-[картуши](#)^[5].

Историк [И. Е. Забелин](#) писал: «...флемская с высоким рельефом резьба более похожа на скульптуру из дерева... Хитрые переплетения веток и орнаментных мотивов с цветами, плодами, виноградом и его листьями»^[6].

Примером такой «навылетной белорусской резы» может служить 4-ярусный [иконостас](#) церкви [Никольского монастыря в Могилёве](#), иконостас Георгиевской церкви в [Давид-Городке](#), иконостас Троицкой церкви витебского [Троицкого Маркова монастыря](#), алтарные [царские врата](#) витебской Юрьевской церкви^{[7][8]}, алтарные врата в гродненском костёле иезуитов, алтарь костёла францисканцев в Пинске, резные киоты в Ветке и др.^[9].

Белорусская резь в Московском государстве

Иконостас Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве

К XVII веку убранство русских царских и боярских теремов становится богаче. Делается разнообразнее интерьер церквей: алтарные врата украшаются резьбой, иконы разделяются резными или расписными столбиками. Однако, как отмечал [М. В. Красовский](#), « хотя у таких иконостасов каждая их икона является обрамленной со всех сторон, но боковые части обрамлений настолько ещё не рельефны, что теряются в общей массе иконостаса, и доминирующее значение остается за тяблами»^[10].

Патриарх [Никон](#), приветствуя распространение резной пластики, стал выписывать из-за границы «книги мастерские к резному делу в лицах», приглашать в Москву западных мастеров^[11]. Под началом Петра Заборовского, группа белорусов изготовила изразцовые иконостасы для [Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря](#) на [Истре](#), украсили его собор полихромными [изразцами](#)^[12].

Выписывались западные мастера и для отделки московского Кремля: «В прошлых во 164 и во 166 годех по указу великого государя взяты в Оружейную палату из Вильны, из Полоцка, из Смоленска розных дел мастеровые люди с женами и детьми на вечное жительство, а на Москве поставлены они во дворах Бронной слободы тяглецов»^[13].

Старец Ипполит из Белоруссии вместе с учениками Ефимом Антипьевым, Ларионом Юрьевым и Данилой Григорьевым украсили царскую карету «резными угловыми столбиками и государевыми гербами»^[14].

Украшались резьбой царские сундуки, укладки, [ризницы](#), «чудотворные раки». Среди игрушек царевича [Фёдора Алексеевича](#) немало игрушек, вырезанных кремлёвскими мастерами^[15].

В «Архиве Оружейной палаты» сохранилась биография Клим Михайлова, явно записанная с его слов: «Он, Климка Михайлов, родом иноземец Шклова города, делает резное дело под золото да столярное дело. А в первую службу взял его добровольно в Шклове боярин князь Григорий Семенович Куракин, и жил он у него в Москве без крепости с год, и женил он его у себя на дворовой своей девке Анютке, и женись пожил он у него с год, и отдал его бывшему патриарху Никону на время, тому ныне одиннадцать лет. И с тех мест жил он в Воскресенском монастыре восемь лет». Поступив на службу в Палату резных и столярных дел московского Кремля, Клим Михайлов стал помощником главы мастеров монаха старца Арсения из

оршанского Богоявленского Кутейнского монастыря, а после его кончины в 1681 году, главным резчиком^{[16][17][18]}.

В Палате числилось более 20 резчиков-белорусов. Вместе с Арсением и белорусом Степаном Зиновьевым Михайлов в 1668 году работал по царскому заказу над созданием «Иорданской сени» — нечто вроде шара, где во время богослужения находился царь. Колонки и шатёр были украшены цветной росписью и позолоченной белорусской резьбой. Двумя годами позже Климом Михайловым сделана [рака](#) для мощей св. [Саввы Вишерского](#). В 1667—1668 гг. участвует в оформлении белорусской резьбой [Коломенского дворца](#) царя [Алексея Михайловича](#)^[19].

Огромный дворец украсили раскрашенной объёмной резьбой: ею украшались все крыльца, крыши, галереи, двери, наличники окон. Резьба наличников, например, представляла собой 3-гранно-выемчатые прорезки порезки, жгутики в 1-3 ряда, зубчики, желобки, дыньки, бочки^[20].

Об этой работе белорусских мастеров написал [Вс. Н. Иванов](#) в романе «Чёрные люди»^[21].

[Симеон Полоцкий](#), побывав на открытии дворца, написал стихи, дающее некоторое представление о работе резчиков

Красоту его мощно равняли
Соломоновой прекрасной палате.
Аще же древо zde не есть кедрово,
но стоит за кедр, истинно то слово.
А злато везде пресветло блистает...
Дом Соломонов тым славен без меры,
яко ваянны име в себе зверы.
И zde суть мнози, к тому и рыкают,
яко живые львы, глас испуцают;
Очеса движут, зияют устами,
видится, хошут ходити ногами;
Страх приступити, тако устроены,
аки живые львы суть посаженны.

Белорусская резь используется в отделке хором царевен [Софьи Алексеевны](#) и [Екатерины Алексеевны](#), в создании иконостасов и интерьеров [Покровского собора](#) в Измайлово, [Валдайского Иверского монастыря](#), церкви [Григория Неокесарийского](#) на Полянке, суздальской [Успенской церкви](#), рязанского [Успенского собора](#), Успенского собора в [Дмитрове](#), [Крутицкого теремка](#), [Троицкой церкви](#) в Останкино^{[22][23][24][25][26][27]}.

В 1683—1685 гг. белорусская резь — главный элемент пятиярусного иконостаса Смоленского собора [Новодевичьего монастыря](#) в Москве^{[28][29][30][31]}.

Белорусской резьбой (плодами райского сада — виноградными гроздьями, цветами, плодами смоковницы) оформлен семиярусный, высотой в 43 метра, иконостас псковского [Троицкого собора](#). Конструкция иконостаса проста: рама с прямоугольной сеткой вертикалей (консолей и колонн) и горизонталей (карнизов). Центральные иконы являются осью симметрии, поддерживающей устремление кверху. Резьба, идущая по простой конструкции иконостаса, придаёт ему пространственность, игрой светотени создаёт видимость движения^[32].

Инструменты для белорусской рези

До XVII века резчики Белоруссии пользовались ножом и топором. Для плоской и рельефной (глухой) резьбы они подходили. Для новой ажурной пропильной резьбы понадобились новые, более сложные инструменты. Так в рабочем арсенале резчиков появились продольная пила, тесла, долоты и стамески, рубанки. В «Архивах Оружейной палаты» имеется документ 1667 года — «Роспись столярной монастырской снасти мастера Климка Михайлова с товарищи». Это — «6 стругов больших, 6 шархеблей (рубанки), 25 стружков малых, 25 дорожников малых, 6 пил больших и средних и малых, 17 круглых долот больших и малых, 15 косых долот, 5 долот прямых, 8 кривых долот, 5 клепиков, кружало, 4 молота, 9 долот токаренных, буравчик, 2 шила, семеры тиски деревянных, 5 досок на чём делают столярное дело»^[34].

ХУДОЖЕСТВЕННО-КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В НАРОДНОМ БЫТУ

Научный руководитель – Каданчик Г. Е. – кандидат филос. наук, доцент

УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия», Горки, Республика Беларусь

На Беларуси богатой лесом, дерево применялось не только для постройки жилища и оснащения его интерьера. Из дерева изготавливались так же транспортные средства, орудия труда, предметы обихода, посуда. Столетиями вырабатывались приемы работы с деревом, шлифовались, оттачивались формы изделий и способы их украшения, основанные на местных традициях, вкусах, обычаях. Широкое распространение в народном быту имели деревянные ложки по форме круглые или носковые, причем преобладали последние. За многие столетия своего бытования ложки приобрели довольно красивую, совершенную, изящную форму, наилучшим образом отвечающую назначению предмета. Плавный изгиб плоской ручки, обтекаемые формы черпака были обусловлены как практическими, так и эстетическими требованиями. Из декоративных мотивов встречались линейные нарезки, словно облегающие ручку, и трехгранные выемки на её верхней плоской грани. Однако какого бы характера ни был декор, он никогда не являлся самоцелью, не мешал функциональности вещи.

Традиционная белорусская народная резьба по дереву никогда не отличалась излишней декоративностью, внешним богатством. В формах мелкой долбленой посуды не редко просматривались зооморфные мотивы, что связано с культом животных и птиц в древности. Несомненно, что зооморфные формы когда-то придавали посуде в магических целях, позже они стали средством достижения конструктивно — художественной выразительности. Однако в белорусской народной декоративной резьбе растительные и зооморфные мотивы не получили такого распространения, как геометрические.

Декоративной резьбой чаще всего украшали орудия, связанные с обработкой льна, в первую очередь прялки. Самый древний и распространенный вид резьбы – трехгранно-выемчатая. Её распространение в белорусском народном искусстве объясняется наибольшим соответствием особенности материала и легкостью выполнения самыми простыми инструментами. Наиболее древний и любимый мотив в трехгранно-выемчатой резьбе, причем не только на Беларуси, – многолучевая розетка, древний символ солнца.

С конца XIX века появляется контурная резьба, которой выполнялись, стилизованные изображения растений, животных, птиц, что начинали встречаться на прялках. Она так и не смогла оттеснить на второй план древнюю, традиционную, красивую и вместе с тем легкую в выполнении трехгранно-выемчатую резьбу.

С давних времен белорусы ценили природную красоту дерева, его теплый приятный цвет, своеобразный рисунок слоев. Сделанные из свежего дерева прялка или ковшик сохраняли свой естественный золо-тистый цвет на протяжении многих лет. Со временем они приобретали более темный оттенок, от многократного использования выглаживались почти до блеска, а слои древесины становились более отчетливы — ми. В процессе пользования ложки, миски, тарелки, ковши, солонки очень быстро приобретали глубокий темно-коричневый цвет, а все шероховатости сглаживались как при полировке. Однако в некоторых случаях изделия из дерева обрабатывали и окрашивали. Чаще всего их покрывали олифой. Тон дерева приобретал особую глубину и золотистость,

проявлялись, становились более заметными слои. Покрытие олифой выполняло и практическую роль: изделия приобретали влагостойкость

Мелкие предметы, особенно декоративного назначения (коробочки, шкатулки), нередко тонируют в более темный цвет. Для этого использовали традиционно народные красители из коры дуба или ольхи, не забивающие фактуру и слоистость материала.

В настоящее время на Беларуси художественные традиционные промыслы в основном представлены в Домах ремесел и фабриках художественных изделий. Они являются ведущими центрами сохранения — пропаганды и развития народного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь / под ред. В. К. Бондарчик. — М.: Наука, 1998. — С. 426–443.
2. Сахута Е. М. Народное искусство и художественные промыслы Белоруссии / Е. М. Сахута. — Минск: Полымя, 1982. — 96 с.

Материал взят из: Научный поиск молодежи XXI века — Сборник научных статей по материалам XII Международной научной конференции студентов и магистрантов (Горки, 28-30 ноября 2011г.)

Единственная в Беларуси женщина-мастер резьбы по дереву живет в Чашникском районе

Несмотря на высшее образование, профессионализм, признанный не только в нашей стране, но и за рубежом, Анну Осипкову можно назвать самородком. Ее уникальный талант – от земли, природы, Бога. Учеба и опыт только помогли выкристаллизовать этот дар.

– Детей в школе я учила всему, что преподавали нам на худграфе – законам перспективы, соблюдению пропорций, технике светотени... Сама же для себя отбросила все школы. Никогда никому не подражала. Не считаю себя художником. Работала, как душа просит, как сердце велит, – признается Анна Савельевна.

Уникальные творения — в дар

В районном историческом музее, где около 70 работ Анны Осипковой составляют гордость экспозиции, вам обязательно расскажут историю о юном посетителе. Пришла как-то на экскурсию группа из детского сада. Когда собрались уходить, хватились одного мальчика. Бросились искать и нашли возле деревянной скульптуры матери: малыш гладил милое лицо.

Немало тут получают и восторженных от отзывов иностранцев и соотечественников. Впрочем, как и на вернисажах в Германии, Боливии и других странах. Анна Савельевна никогда лично не присутствовала ни на одной выставке, не знает, сколько ее работ разошлось по свету. Она не составляла каталогов, не вела записей, не настаивала на цене: сколько дадут, на том и спасибо. Никогда не считала свое творчество источником заработка – уникальные творения уходили за бесценок (по 5—10 рублей) в советские времена. Многие работы просто дарила людям, если те им нравились. Большая часть коллекции Чашникского музея – тоже дар автора.

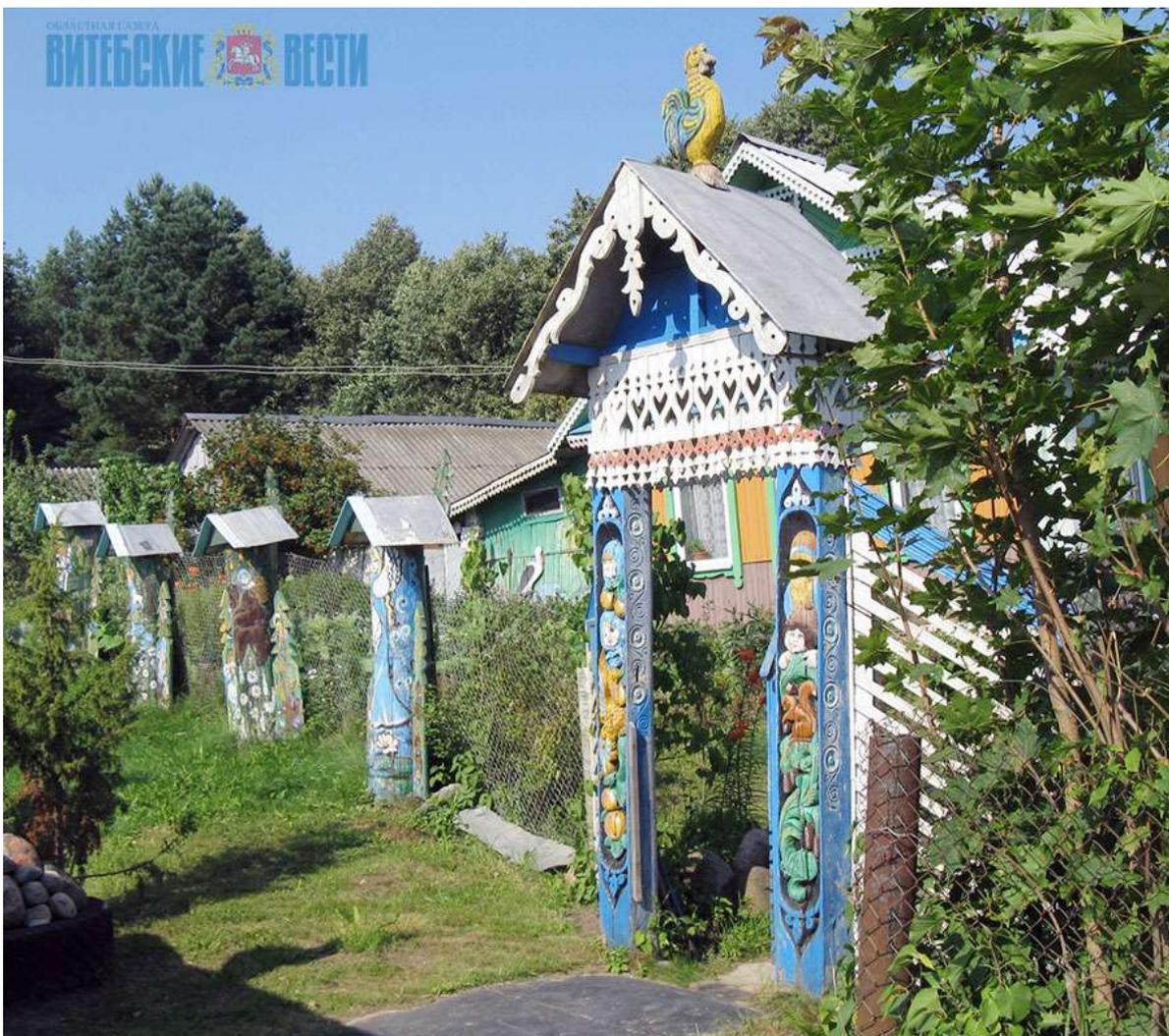

Около 70 уникальных работ мастера составляют гордость районного исторического музея; бывшая усадьба Осипковой еще хранит следы красоты и таланта мастера

Есть и еще один объект, связанный с именем Анны Осипковой – ее бывший дом в деревне Млын. Не было на усадьбе ни одного дерева, заборчика, ворот, наличника или просто пенька, которые уникальные руки Анны Савельевны не превратили бы в шедевр. Шесть лет назад из-за серьезной болезни близкого родственника, живущего в России, хозяйка дом продала. Сегодня у него другой вид, но все равно еще видны следы былой красоты и великолепия. Жаль, что новый владелец, похоже, не понимает истинной цены деревенского шедевра.

Хобби с ложки началось

– Я из большой семьи, меня растили дедушка с бабушкой в маленькой деревне Гурей, – вспоминает Анна Савельевна. – Дед научил меня поначалу вырезать ложки, миски из дерева. А хотелось большего. Даже плакала: вижу, что можно сделать что-то интересное, но не знаю, с чего начать.

В газете прочитала, что в Гродно есть учитель, который ведет кружок резьбы по дереву. Осмелилась и написала ему письмо. От него и узнала, что в Витебске есть художественно-графическое педагогическое училище. Туда и рванула после школы. На вступительные экзамены надо было представить творческие работы. А рисовать-то нечем! Мы собирали с дедушкой, что могли – сажу, уголь, глину. Я нарисовала темный луг с костром и детьми и невесту в цветах. Работы одобрили. Так и стала студенткой. Закончила уже художественно-графический факультет пединститута и всю жизнь преподавала рисование и черчение в школе. Сначала в Казахстане, на Кавказе, куда поехала вслед за мужем.

Когда вернулись в Беларусь, работала в Краснолукской, затем – в Кащинской школе. Известность пришла после публикаций в газетах «Правда» и «Известия». Столько писем тогда получала — из Дальнего Востока, Молдавии, во всех уголках Союза! И старалась ответить всем. В основном люди спрашивали совета – как работать с деревом.

Мастерской у меня никогда не было – работала на кухне, на полу. Сяду, тряпками обложусь, двери закрою, чтобы никому не мешать, и начинаю долбить. Летом устраивалась во дворе, за сараем.

Чашникский след в резиденции русских царей

А вот сын Игорь с раннего детства полюбил это искусство. Он тоже закончил худграф, два года преподавал в школе. Как-то пригласили Анну Савельевну на работу в производственное объединение «Красная Балтика» – начинались реставрационные работы в Петергофе. Но муж только что инфаркт перенес – куда ж ехать? Вот и предложила кандидатуру сына. Игорь взял с собой несколько рисунков, маленькие поделки и фото больших. И его приняли.

Много лет занимался реставрационными работами в резиденции русских царей. Присылал домой вырезки из газет с фото, где был снят со своими коллегами. Сейчас в Петергофе деревянных работ для реставрации нет, и объединение резчиков выполняет заказы по всей России. Игорь Живет в Санкт-Петербурге, у него семья, двое детей, которые тоже в какой-то мере пошли по стопам бабушки и отца: Маша – архитектор, Антон занимается компьютерной графикой.

– Маленького сына я возила на экскурсию в Ленинград, – вспоминает Анна Савельевна. – С восторгом бродили тогда мы по улицам. И Игорь все повторял: «Какая красота! Вот бы жить тут!». Как видите, мечта сбылась. Но я из деревни никогда бы не переехала в город, хотя мне не раз предлагали. Только снег сойдет – сразу в лес. И на пенечке посижу, и сама с собой поразговариваю, и поплачу, и помечтаю. Это такая отдушина, такая благодать! Вроде и молчит лес, а заряжает позитивом, энергией, добротой.

Снятся прекрасные сны

Сегодня Анна Савельевна с грустью вспоминает былые годы. И условий для творчества тогда особых не было, и инструменты были на вес золота – дорого, да и не достать. Но зато жизнь наполняли энтузиазм, желание творить. Впрочем, они остались и сегодня. Только вот силы уже не те: любимую резьбу пришлось оставить.

– Зато мне часто снятся прекрасные сны, в которых я по-прежнему работаю с деревом... А в реальности занялась декоративным творчеством.

Работники Кащинского спортивно-культурного центра всячески поддерживают Анну Осипову. Не так давно организовали выставку «Чудо-корешки». Из 28 работ осталась всего парочка: остальные мастер раздала поклонникам, а три поделки сын увез в Санкт-Петербург.

Нынче на 8 Марта Анна Савельевна подготовила настоящий подарок для жительниц агрогородка – выставку картин, посвященных покровителям природы, всего живого на земле. Тут и Ветровей, и Домовичок, и Моховичок, и Болотявинка, и Луговинка, и многие другие персонажи, рожденные фантазией и талантом автора. Жаль одного: судьба этих работ, скорее всего, недолговечна: выполнены они на старых обоях, наклеенных на картон. На ватман и хорошие краски сегодня у Анны Савельевны пенсии не хватает...

Фото Антона СТЕПАНИЩЕВА и Елены ТЕЛЯТКО.